

КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343

А.Н. Халиков*

ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА ПОЗНАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В статье обосновывается правовое значение любой поступающей в правоохранительные органы информации для раскрытия преступлений и их расследования. Только после поступления информации к органам уголовной юстиции она подлежит проверке и оценке. В частности, дается классификация информации, которая подлежит проверке при установлении обстоятельств преступления. К такой информации относятся: сведения, добытые до возбуждения уголовного дела; сведения, полученные в результате следственных и иных процессуальных действий в процессе предварительного расследования; сведения как результаты оперативно-розыскной деятельности; сведения, представленные стороной защиты; сведения, имеющиеся в действительности (материальные, идеальные, виртуальные следы), но не полученные субъектами уголовного судопроизводства в силу объективных или субъективных причин. Проведен анализ каждого из перечисленных видов информации.

Ключевые слова: доказательства, защита, информация, оперативно-розыскная деятельность, расследование, следователь, уголовное дело.

Информация о признаках преступления в уголовном судопроизводстве – это сведения об обстоятельствах, которые имели место в прошлом, необходимые для составления картины исследуемого уголовно наказуемого деяния во всех его чертах для использования в уголовном процессе с целью принятия уголовно-правового решения о наличии или отсутствии состава преступления. С точки зрения следователя, речь идет о необходимости получения *любой информации*, значимой для познания всех обстоятельств преступления. Конечно, это не означает, что такая информация формирует истину или даже пригодна для уголовного процесса. Однако это вопрос проверки и оценки информации, ее перехода от количественных показателей в качественные, и не относится к этапу получения новых сведений. Отсюда следует, что вопросы исследования информации с последующим ее процессуальным отбором и оценочной характеристикой не могут влиять на необходимость ее поступления в любом объеме [1, с. 160–161]. Представляется, что к такой информации не может быть применен термин «криминалистическая», так как ее правовое значение будет определено только по итогам проверки и оценки органами уголовной юстиции [2, с. 270].

В то же время сам процессуальный закон указывает, что по уголовному делу в качестве доказательств допускаются *любые сведения*, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определяемом УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию (ч. 1 ст. 74 УПК РФ). В данном положении говорится как о содержании (любые сведения), так и о форме сведений (соответствие УПК РФ), то есть той информации, которая должна иметь место в уголовном деле, или, иными словами, о сущности и явлении категории информации. Тем самым с позиций *содержания* информации, ее сущности – ею являются любые сведения, устанавливающие наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также относящейся к позна-

* © Халиков А.Н., 2017

Халиков Аслям Наилевич (han010@yandex.ru), кафедра криминалистики, Институт права, Башкирский государственный университет, 450076, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

нию преступления. С позиций правовой *формы* информации – это надлежащий порядок работы с получаемыми сведениями, основанный на требованиях УПК РФ. Форма получаемых сведений обязана соответствовать закону. В конечном итоге, только при оптимальном сочетании содержания и формы информация переходит в разряд доказательств [3, с. 100–105].

Информация имеет различную форму в зависимости от ее использования сторонами обвинения и защиты. Установленные уголовно-процессуальным законом критерии доказывания в полной мере распространяются только на обвинение. Правовые требования к порядку получения оправдательной информации носят гораздо более мягкий характер.

Традиционно правоприменители, особенно следователи, не анализируя часть 1 ст. 74 УПК РФ о наличии любых сведений, допускаемых в качестве доказательств, сразу обращаются к части 2, в которой перечисляются виды доказательств, которые можно использовать при расследовании уголовного дела. Причем речь идет о перечне доказательств, которые могут быть получены только после возбуждения уголовного дела и только сотрудниками органов расследования. Тем самым, форма информации сразу ограничивается до определенных в УПК РФ процессуальных действий, которые могут быть произведены только стороной обвинения. Это говорит о доступности уголовно-процессуальной информации в сфере обвинения, но, к сожалению, не о полноте информационного наполнения уголовного процесса в целом.

Более того, если мы обратимся к статье ч. 2 ст. 15 УПК РФ, регламентирующей принцип состязательности сторон, то увидим, что функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо. Это означает, что недопустима ситуация, когда всю информацию по уголовному делу доминирующе добывает только сторона обвинения при отсутствии у нее обязанности собирать оправдывающие доказательства или иную информацию, которая противоречила бы обвинительному направлению в уголовном процессе. Заметим, что на данное противоречие неоднократно обращалось внимание в научной литературе [4, с. 76]. Однако следственная практика остается неизменной, что в практической деятельности ведет к постоянному нарушению прав и интересов участников уголовного судопроизводства, к примеру, в стабильном отказе в ходатайствах стороной защиты.

Вместе с тем, широкое понимание информации требует перестройки всей информационной модели уголовного процесса с целью приведения ее в соответствие действительности, особенно когда речь идет о преступлениях, имеющих множество не выявленных и не установленных обстоятельств [5, с. 270–279]. Тем самым с разумных позиций информации при расследовании уголовного дела следует изначально понимать вне правовых рамок, в которых, как мы указали, больше доминирует обвинительный уклон, а в целом в виде общего информационного потока получаемых сведений по уголовному делу. Иными словами, поступление информации не может быть ограничено при расследовании уголовного дела правовыми рамками в нынешнем их понимании, так как требуется обязательное фиксирование любых поступающих сведений. Только после этого полученные сведения подлежат исследованию с проверкой и оценкой всей их совокупности. Более того, построение версий при расследовании уголовного дела исходит из целой информационной картины (или следственной ситуации [6, с. 26]) процесса расследования, поскольку широта познания неочевидных обстоятельств не может быть ограничиваема только доказательствами по делу [7, с. 145–152].

Объективная картина *системы информации о преступлении* в досудебном производстве будет выглядеть следующим образом:

- 1) сведения, добытые при доследственной проверке до возбуждения уголовного дела;
- 2) сведения, полученные в результате следственных и иных процессуальных действий в процессе предварительного расследования;
- 3) сведения как результаты оперативно-розыскной деятельности;
- 4) сведения, представленные стороной защиты;
- 5) сведения, имеющиеся в действительности (материальные, идеальные, виртуальные следы), но не полученные субъектами уголовного судопроизводства в силу объективных или субъективных причин.

Перечисленные виды информации мы относим к системе, как единому целому, когда без какого-либо ее элемента данная система будет неполной, а следовательно не качественной и не выполняющей функции познания явлений материального мира. Из этого вытекает равноправие всех перечисленных частей или элементов информационной системы уголовного судопроизводства, несмотря на различное качество информационного наполнения искомых обстоятельств. Внешняя надежность или доброкачественность информации не может характеризовать ее как ~~виде~~-абсолют и не может быть оценена с применением сравнительного критерия «лучше» или «хуже» по сравнению с другими видами информации. В связи с чем каждый элемент в системе уголовно-процессуальной информации требует ~~практически~~ одинаковой проверки и оценки, включая даже не приобретенную, но имеющуюся в действительности информацию. Соответственно, в силу нашей позиции о необходимости получения и использования всей имеющейся информации, или любых сведений по уголовному делу, как того требует закон, нам необходимо рассмотреть каждый из элементов представленной информационной системы уголовного судопроизводства.

I. Сведения, добытые при доследственной проверке до возбуждения уголовного дела.

Как известно, традиционное понимание доказательств, определяемых в качестве любых сведений по уголовному делу, на основе которых устанавливаются обстоятельства, подлежащие доказыванию –

собираемые которых допускалось за небольшими исключениями только в ходе расследования уголовного дела – было изменено Федеральным законом РФ от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, внесшим радикальные дополнения в статью 144 УПК РФ. В настоящее время закон расширил временной период собиранья доказательств, указав в части 1–2 статьи 144 УПК РФ, что «Полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений статей 75 и 89 настоящего Кодекса».

Указанная информация, полученная в надлежащем порядке согласно требованиям УПК РФ, вошла в систему доказывания по уголовному делу. Данный элемент информационной системы в уголовном процессе стал полноправной частью общего познавательного процесса, и вошел в общую процессуальную систему доказывания обстоятельств уголовного дела. Конечно, информация до возбуждения уголовного дела на этапе доследственной проверки формируется исключительно стороной обвинения.

Не вдаваясь в известную дискуссию о необходимости сохранения стадии возбуждения уголовного дела, новеллы об использовании полученных сведений до возбуждения уголовного дела в системе доказывания – это первый шаг к отмене стадии возбуждения уголовного дела. Но для этого необходимо изменять всю систему доказывания или информационного обеспечения современного уголовного процесса, что требует ее радикальной трансформации.

II. Сведения, полученные в результате следственных и иных процессуальных действий в процессе предварительного расследования.

Конечно, это основной элемент содержания информационной системы уголовного судопроизводства, формируемый стороной обвинения, в основном следователем или дознавателем. Но в данном случае его не следует абсолютизировать, поскольку информацию в данном случае добывает сторона обвинения в условиях действия принципа презумпции невиновности. В информационной системе уголовного процесса данный элемент по своему потенциалу наиболее обеспечен силовыми, техническими и процессуальными возможностями, которые нередко подавляют или уничтожают другие элементы этой системы. Посредством злоупотреблений органов предварительного расследования информационная система уголовного процесса утрачивает объективный характер и способна превратиться в свою противоположность – в криминальную систему, нарушающую цели правосудия. Поэтому рассматриваемый элемент информационной системы, исходя из философского закона единства и борьбы противоположностей, может быть эффективным только при существовании противоположного системного элемента – информации со стороны представителей защиты, а в целом при наличии других элементов рассматриваемой системы.

III. Сведения как результаты оперативно-розыскной деятельности.

В количественном выражении сведения, полученные в результате оперативно-розыскной деятельности – это самый большой элемент в силу самой природы оперативной работы, которая способна и вправе вбирать в себя весь имеющийся объем информации. Заметим, что оперативно-розыскная информация – это не информация для избранных; как писал С.С. Овчинский, – это разновидность социальной информации, специфичной по цели получения, методам получения и режиму использования, обеспечивающему конспирацию, возможность проверки сообщаемых сведений и их применение только заинтересованными оперативными работниками и следственными аппаратами [8, с. 41].

Исходя из необходимости получения всей совокупности имеющейся информации в оперативных органах по расследуемому преступлению, мы весьма скептически относимся к понятию «результаты оперативно-розыскной деятельности». Результаты оперативно-розыскной деятельности в ст. 5 УПК РФ определяются как «сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда».

В данном случае мы имеем понятие результаты, как конечный продукт оперативно-розыскного процесса, формируемый в сфере деятельности оперативно-розыскных органов. С одной стороны, это в определенной степени гарантирует качество представляемой информации. С другой стороны, данный фактор ограничивает возможности следователя в получении всех имеющихся сведений по уголовному делу. Соответственно, при необходимости следователь или суд вправе истребовать весь объем информации по уголовному делу из оперативно-розыскных органов, разумеется с обеспечением конспирации и безопасности всех лиц, задействованных в оперативной работе [9 с. 34].

IV. Сведения, представляемые стороной защиты.

Информация, предоставляемая стороной защиты самая нежелательная для органов расследования, а нередко и суда. Такая информация противопоставляется позиции обвинения. Она может быть отвергнута по следующим причинам:

- масштабность и общественная опасность преступления;
- влияние средств массовой информации;
- информация, предоставляемая стороной обвинения из результатов следственных и процессуальных действий;
- результаты оперативно-розыскной деятельности;
- мнение системного руководства по правоохранительной деятельности;
- страх утери должности и связанных с этим благ.

Разумеется, перечисленные факторы, особенно относимые к информационным составляющим, должны приниматься во внимание при проверке и оценке доводов защиты. Однако в большинстве случаев данные факторы существуют в действительности, и ведут к отторжению информации защиты. В данном случае, не входя глубоко в анализ причин такого положения, следует назвать их основанием недостатка системы правоохранительных органов и суда.

V. Сведения, имеющиеся в действительности (материальные, идеальные, виртуальные следы), но не полученные субъектами уголовного судопроизводства в силу объективных или субъективных причин.

В данном случае речь идет не об отсутствии сведений о возможности получения информации, которая практически всегда имеет место при расследовании преступлений. Мы говорим о другом – об информации, которая существует, но по различным причинам, больше негативного толка, не может присутствовать в информационной системе уголовного процесса. Приведем пример имевший место в действительности: адвокату для установления алиби подзащитного нужно истребовать информацию о соединениях между абонентами и указателем местонахождения подозреваемого (ст. 186.1 УПК РФ), о чем он направляет ходатайство следователю об истребовании сведений у оператора связи. Следователь отказывает в ходатайстве, догадываясь, что результаты такой информации будут не в пользу обвинения. Тем самым, информация имеется, но процедура ее получения закреплена за следователем. Такое же положение может иметь место, если информация имеется у оперативных работников, но последние в силу различных причин не желают ее представлять.

Таким образом, в целях борьбы с преступностью, и, что еще более значимо, обеспечения прав, интересов и свобод человека, следует объективно подходить к системному пониманию существа информации в уголовном судопроизводстве. Как констатируется в работах, посвященных информационному обществу, «Информация существует. Чтобы существовать, она не нуждается в том, чтобы ее воспринимали. Чтобы существовать, она не нуждается в том, чтобы ее понимали. Она не требует умственных усилий для своей интерпретации. Чтобы существовать, ей не требуется смысл. Она существует» [10, с. 35].

Как видно, мы не стали при наших суждениях соотносить понятие информации с категорией доказательств и доказывания, хотя в уголовном процессе трудно отделить одно от другого. В то же время мы показываем лишь значение информации для познания преступления и в целом ее роль для уголовного процесса. Следующий шаг – это преобразование информации в систему доказывания, что требует дальнейших исследований при объективном понимании информации в сфере процессуального познания.

Проанализировав информационную систему познания преступления, мы пока лишь можем констатировать, что ее применение – это будущее нашего уголовного судопроизводства. Для использования всех элементов рассматриваемой информационной системы необходим независимый следователь, независимый суд и независимое гражданское общество. Ни того, ни другого, ни третьего пока нет. Все элементы рассмотренной информационной системы могут быть использованы только в рамках состязательной системы предварительного расследования, избавленной от обвинительного уклона. Кроме этого, есть и субъективные причины отказа от использования всех элементов информационной системы, к которым относятся недостаток профессиональной грамотности, незнание методов и способов анализа поступающих сведений.

Библиографический список

1. Терехович В.Н., Ниманде Э.В. Сущность истинностного и ценностного в криминалистическом познании // Библиотека криминалиста. 2012. № 2. С. 160–164.
2. Писарев Е.В. Криминалистическая информация как информационная основа доказывания по уголовному делу // Библиотека криминалиста. 2015. № 3. С. 267–271.
3. Адаменко И.Е., Зинченко И.А. Доказательства и источники доказательств в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2013. № 1. С. 100–105
4. Головки Л.В. О Проблемах российского уголовного процесса // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2014 № 1. С. 75–80.
5. Лаврухин С.В. Соккрытие преступления и его место в механизме поведения преступника // Библиотека криминалиста. 2017. № 5. С. 270–280.
6. Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск. 1975. 164 с.
7. Бахтеев Д.В. О роли логических следствий в проверке следственных версий // Библиотека криминалиста. 2017. № 6. С. 145–153.
8. Овчинский С.С. Оперативно-розыскная информация: монография / под ред. А.С. Овчинского и В.С. Овчинского. М.: Инфра-М, 2017. 413 с.
9. Бедняков Д.И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М.: Юридическая литература, 1991. 208 с.
10. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / под ред. Е.Л. Варгановой. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.

References

1. Terekhov V.N., Nimande E.V. *Sushchnost' istinnostnogo i tsennostnogo v kriminalisticheskom poznanii* [The essence of truth and value in forensic knowledge]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal* [Criminalist's Library. Scientific Journal], 2012, no. 2, pp. 160–164 [in Russian].
2. Pisarev E.V. *Kriminalisticheskaia informatsiia kak informatsionnaia osnova dokazyvaniia po ugovnomu delu* [Forensic information as an information basis for proving in a criminal case]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal* [Criminalist's Library. Scientific Journal], 2015, no. 3, pp. 267–271 [in Russian].
3. Adamenko I.E., Zinchenko I.A. *Dokazatel'stva i istochniki dokazatel'stv v ugovnom protsesse* [Evidences and sources of evidence in criminal proceedings]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal* [Criminalist's Library. Scientific Journal], 2013, no. 1, pp. 100–105 [in Russian].
4. Golovko L.V. *O Problemakh rossiiskogo ugovnogo protsessa* [On the Problems of the Russian Criminal Process]. *Vestnik iuridicheskogo fakul'teta Iuzhnogo federal'nogo universiteta* [Vestnik of the Law Faculty of Southern Federal University], 2014, no. 1, pp. 75–80 [in Russian].
5. Lavrukhin S.V. *Sokrytie prestupleniia i ego mesto v mekhanizme povedeniia prestupnika* [Concealment of the crime and its place in the mechanism of conduct of the offender]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal* [Criminalist's Library. Scientific Journal], 2017, no. 5, pp. 270–280 [in Russian].
6. Drapkin L.Ya. *Osnovy teorii sledstvennykh situatsii* [Basics of the theory of investigative situations]. Sverdlovsk, 1975, 164 p. [in Russian].
7. Bakhteev D.V. *O roli logicheskikh sledstvi v proverke sledstvennykh versii* [On the role of logical consequences in the verification of investigative versions]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal* [Criminalist's Library. Scientific Journal], 2017, no. 6, pp. 145–153 [in Russian].
8. Ovchinskiy S.S. *Operativno-rozysknaia informatsiia: monografiia /pod red. d.t.n. A.S.Ovchinskogo i d.iu.n. V.S.Ovchinskogo* [Operational-search information: monograph. A.S. Ovchinskiy, V.S. Ovchinskiy (Eds.)]. M.: Infra-M, 2017, 413 p. [in Russian].
9. Bednyakov. D.I. *Neprintsessual'naia informatsiia i rassledovanie prestuplenii* [Non-procedural information and investigation of crimes]. M.: Iuridicheskaya literatura, 1991, 208 p. [in Russian].
10. Webster F. *Teorii informatsionnogo obshchestva. Pod red. E.L. Vartanovoi* [Theories of the Information Society. E.L. Vartanova (Ed.)]. M.: Aspekt Press, 2004, 400 p. [in Russian].

*A.N. Khalikov**

INFORMATION SYSTEM OF COGNITION OF CRIME

The article justifies the legal significance of any information coming to law enforcement agencies for the disclosure of crimes and their investigation. Only after the information is received by the criminal justice authorities, it is subject to verification and evaluation. In particular, the classification of information that is subject to verification in establishing the circumstances of the crime is given. Such information includes: information obtained prior to the initiation of a criminal case; information obtained as a result of investigative and other procedural actions in the process of preliminary investigation; information, as the results of operational-search activity; information provided by the defense; information actually available (material, ideal, virtual traces), but not received by the subjects of criminal proceedings for objective or subjective reasons. Each of these types of information has been analyzed.

Key words: evidences, protection, information, operational-investigative activity, investigation, investigator, criminal case.

* *Khalikov Aslyam Nailevich* (han010@yandex.ru), Department of Criminalistics, Institute of Law, Bashkir State University, 32, Validy Str., Ufa, 450076, Republic of Bashkortostan, Russian Federation.